

СКАЗКА
о
СТРОЕВОЙ ДОЧЕРИ
и
о коровушкѣ бурёнушкѣ.

Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; кто караетъ тотъ и милуетъ; изъ тучи дождь, а за тучей изготовлено, припасено и насторожено красное солнышко; туча дождемъ разсыпалась, солнце проглянуло и обсушило.

Жиль былъ, во странѣ привольной, во землѣ крещеной, бобыль, прозывавшійся, по промыслу своему, Строе́мъ, и былъ онъ великъ человѣкъ на малыя дѣла и зодчій именитый на клѣти, на хлѣвы, а подъ-часть умѣль срубить и мужицкіе хоромы, которыхъ самъ избою никогда не называлъ. Жена его Аграфена была хозяйка добрая, баба рабочая, и стариkъ Страй любилъ ее и беригъ, какъ глазъ свой, покуда она была жива, а какъ только умерла, такъ онъ скончалъ ее на погостѣ мірскомъ,

потужиль, помянуль ее кутьею, блинами да киселемъ съ сытою, помянуль ее въ третины, въ девятины, въ полусорочины, въ сорочины, т. е. въ третій день, въ девятый, въ двадцать первый и въ сороковой, да не дождавшись ни полугодовщины, ни годовщины, оженился снова, взяль за себя вдову Горбылевну.

Отъ первой жены была у него дочь, нынѣ шестнадцати годовъ, которая была названа во св. крещеніи Пелагею, по имени Св. Пелагеи, которую празднують весною, мая 4-го, то есть, чрезъ седмицу со дня рожденія дочери Строя; а вторая жена его Горбылевна привела ему съ собою трехъ дочерей: *Шалаву* объ одномъ глазѣ; *Гуляву* о двухъ, и *Потачку* о трехъ глазахъ. Сводные сестры съ первого дня не могли поладить; втроемъ стали нападать на одну, на бѣдную сиротку Палашу, а сама мачиха, какъ только ногу черезъ порогъ въ избу новаго сожителя своего перенесла, стала обижать падчерицу свою — и бѣдной дѣвченочкѣ житъя въ домѣ не было. Камень передъ жаромъ треснетъ, а воскъ

растопится; пасынокъ не перенесь бы того, что бѣдная падчерица переносила: онъ бы и самъ козырнуль подъ часъ, отцу поклонъ, мачихѣ другой, да и пошелъ бы промышлять; бѣлый свѣтъ для доброго молодца не клиномъ сошелся; а дѣвичье дѣло парню рознь; будетъ жить да тужить, покуда развѣ не изойдетъ слезою!..

Пелагея сперва исправляла въ домѣ всякую черновую работу; но когда мачиха увидѣла, что, не смотря ни на какое униженіе, всѣ ее предпочитали тремъ дочерямъ ея, тогда задумала удалить ее изъ дома, чтобы добрымъ людямъ, да молодымъ женихамъ никогда на глаза не попадалась. Она заставляла ее каждое утро выгонять въ поле небольшое отцовское стадо коровъ, которымъ обзавелась, ставъ промышлять сыромъ да масломъ. Палаша несытая, неодѣтая, необутая, пасла стадо и выгоняла въ томъ числѣ и свою любимую коровушку—бурёнушку, которая осталась, послѣ смерти матери ея, еще телкомъ, и была вскормлена соскою изъ рукъ Палashi. Мачиха задавала ей сверхъ этого еще на

день выпрядать тяжелые уроки, кормить ничъмъ не кормила, кромъ плѣсневатыхъ корокъ да побоевъ, безъ которыхъ не проходило ни одного вечера; обносила и оговаривала ее предъ всѣми, не исключая и роднаго отца, и бѣдной сироткѣ ласковаго слова не удавалось слышать, кромъ развѣ, коли кто ненарокомъ его выронитъ! Строева дочь питалась только молочкомъ отъ родимой коровки своей.

Шалава одноглазая была худа и костлява, какъ тарань–рыба, *Гулява* двуглазая пойдетъ — словно корова въ юбкѣ, сядеть — словно моржъ матерой; а *Потачка* трехглазая удалась въ мать свою Горбылевну: по горбу на лопаткѣ, а ноги короче утиныхъ. И такъ, не мудрено, что у нихъ жениховъ не было; всѣ парни не переставали хвалить сиротки нашей, поговаривая о трехъ дочеряхъ Горбылевны, которыми тѣшилась одна только мать: «хороша дочь Аннушка, коли хвалять ее мать да бабушка!» А Палашѣ бѣдной пуще за это и доставалось и житья въ отцовскомъ домѣ не было.

Въ одинъ день сиротка наша сидѣла на муравкѣ и горько плакала, никакъ не могучи выпрясть урока, какъ вдругъ бурёнушка подошла къ ней тихонько, полизала у ней руку, тихо промычала и спросила человѣчимъ голосомъ: «О чѣмъ, милая моя, плачешь?» — А какъ мнѣ не плакать, — отвѣчала Палаша, лаская свою коровушку, — когда я лишилась родимой матушки, а мачиха меня гонить съ бѣла-свѣта, кормить корками гнилыми подъ плѣсеню, задаетъ уроки непосильные, и бѣть немилосердно, если ихъ не выпряду? — «Не плачь,» сказала коровушка, «и не грусти, отеческая дочь, я тебя буду поить и кормить, я на тебя буду службу служить.» Съ тѣхъ поръ, бывало, какъ—только сиротка Палаша коровъ въ поле выгонить, коровушка—бурёнушка ей лѣвое ухо подставить, а та въ одно ушко къ ней влѣзеть, въ другое вылѣзеть, напьется и наѣстся, умоется и пріодѣнется, а потомъ приляжетъ къ ней головкою, до—сыта отдохнетъ и выспится; а бурёнушка, тѣмъ часомъ, окомъ материнскимъ на нее

поглядываетъ, сама мычки мычеть да прядеть, и выпрядала день деньской уроки Палашины.

Такое досужество коровушки—бурёнушки избавляло сиротку отъ побоевъ; все у Палashi дѣлалось и скоро и споро, и придраться даже Горбылевнѣ и дочерямъ ея *Шалавъ*, *Гулявъ* и *Потачкъ* было не къ чему. Это стало имъ крайне досадно; а кто захочетъ собаку ударить, тотъ найдеть и палку. Горбылевна стала доискиваться, кто на падчерицу ея пряжу прядеть и уроки за семерыхъ вырабатываетъ? И догадываясь наконецъ, что кто нибудь приходитъ къ ней въ поле, разгласила о дурномъ поведеніи и тайныхъ связяхъ падчерицы своей съ нечистымъ духомъ, который будто бы навѣщаетъ ее въ полѣ подъ ельничкомъ, во образѣ огненного змія, и стала посыпать дочерей своихъ поочередно съ нею въ поле, чтобы онѣ за нею присматривали, а сама продолжала задавать уроки больше прежняго.

Первая пошла съ нею *Шалава*. «Сядемъ, сестрица,» сказала ей Палаша:

«здесь, видишь, пырей, здесь буркунець,
его коровушки мои любять и будуть гулять,
не бось, не разбредутся; а я тебѣ скажу на
досугъ сказочку, да спою пѣсенку.» Онѣ
сѣли, а Палаша стала ей сказывать
сказочку затѣйливую: какъ мурза изъ подъ
Ногая набѣгалъ на станицы казацкія,
полонилъ казака молодаго, казака роду
горскаго, осетинскаго; станомъ и складомъ
былъ онъ трехгодовалая тополь, а лице и
стати у него атаманскія, какъ плакали по
немъ двѣ дѣвицы: одна сестра родная по
немъ плакала, сама собиралась къ родимой
матери; другая, сиротка безпріютная,
плакала, рукавомъ бѣлымъ слезы отирала,
за милымъ дружкомъ своимъ въ неволю, на
выкупъ, итти собиралась, а сама плачуши
приговаривала:

Горе горькая моя руса коса!
А вечеръ тебя матушка
расчесывала,
Расчесывала матушка, заплетала
ее —
Я сама дѣвица знаю, вѣдаю,

Расплетать будеть мою русу косу
Тремъ татарамъ, ногайскимъ
наѣздникамъ....

Шалава сказочки заслушалась, прилегла головою на колѣни Палашины, а за пѣсенкою прищурила одинъ глазъ свой и задремала. Палаша, дочь отцовская, позвала коровушку, въ одно ушко влѣзла, въ другое вылѣзла, наѣлась, напилась, а тамъ, стоя, головкой къ ней прислонилась, отдохнула; а бурёнушка мычки перемыкала, пряжу выпряла, сама глазомъ материнскимъ на нее поглядывала. Когда онѣ со стадомъ въ сумерки возвратились домой, тогда Горбылевна, принявъ готовую пряжу отъ Палаши, ни о чемъ не могла отъ *Шалавы* довѣряться; она увѣряла, что Палаша пряла сама.

На другой день пошла съ Палашею *Гулява*, о двухъ глазахъ, и съ нею было тоже. Палаша рассказала ей сказочку про Игошу безрукаго, безногаго, который родился у мужика уродомъ, умеръ не крещеный, да и ходить нынѣ проказить по

сосѣству; ему за обѣдомъ ложка залишняя кладется, ему хлѣба коврыга на особицу, ему пирога ломоть; а исправляеть онъ за это должностъ, за—урядъ домоваго: онъ лошадей бережеть и катается на нихъ по ночамъ; иной разъ упарить такъ, что въ мылѣ хоть выжми; онъ и колтунъ имъ заплетаетъ; онъ избу отъ худобы, отъ изьяну уберегаетъ. *Гулява* заслушалась, голову на колѣни Палашѣ положила, заснула, а та подозвала коровушку, напилась, наѣлась, отдохнула и пряжу перепряла. Дѣвки домой приходятъ, пастухъ по дорогѣ стадо деревенское гонить, на рожкѣ пѣсни ясныимъ голосомъ играеть—выговариваетъ, и дѣвушки стадо перенять изъ села на встрѣчу выходятъ, мальчишки на сопѣлкахъ ивовыхъ играютъ, бичами похлопываютъ — Горбылевна *Гуляву* въ допросъ: *Гулява* ни о чёмъ не знаетъ, не вѣдаетъ; божится, клянется, что Палаша сама мычки перемыкала, сама перепряла.

Горбылевна на третій день послала съ Палашею *Потачку* трехглазую. Палаша ее

посадила, сказочку сказала и пѣсенку спѣла; *Поташка* заснула, два глаза защурила, а третьимъ все видѣла; видѣла, какъ Палаша съ коровушкой— бурёнушкой вѣдалась, какъ ей въ ушко влѣзла, въ другое вылѣзла, напилась, наѣлась, отдыхать къ ней прислонилась, а коровушка мычки перемыкала и пряжу перепряла, и все это, воротившись, матери своей Строихѣ пересказала. Строиха—Горбылевна крайне разгнѣвалась на падчерицу свою: побила ее, заперла въ заклѣти, а сама пошла къ мужу своему, къ отцу Палashi, и уломала старика Строя зарѣзать коровушку—бурёнушку.

Жена у русскаго мужика правая рука, возметъ, не мытьемъ, такъ катаньемъ; не шильцемъ, такъ мыльцемъ; ты говори свое, она, знай, свое; ты кончилъ, думаешь справился, а она затягиваетъ ту же пѣсню, которой починала; глядишь — мужикъ махнулъ рукой, плонулъ и сдѣлалъ по ее! — Палаша, узнавъ объ этомъ, горько плакала, съ коровушкою своею прощалась, когда вдругъ подошла къ заклѣти сама

коровушка—бурёнушка и сказала: «Не плачь, Палаша, дочь отеческая, не кручинься; когда меня убьют, то выпроси для себя копытца мои, рожки и требушинку, и предай это все землѣ, на улицѣ, въ полисадничкѣ, противу окошечка своего.» Въ этомъ послѣднемъ утѣшеніи отецъ Строй не отказалъ дочери своей; отдалъ ей на долю рожки, ножки и требушинку; она же, поплакавъ еще разокъ, зарыла все это на улицѣ противу окна и прикрыла зеленымъ дерномъ.

На зарѣ слѣдующаго дня, когда пастухъ, проходя по селу, затянуль на рожкѣ пѣсенку плясовую: *во зеленыхъ лузяхъ*, а дочери Строихи—Горбылевны вышли съ подойниками подоить коровъ своихъ, онѣ съ большимъ удивленіемъ увидѣли на томъ мѣстѣ, гдѣ Палаша наканунѣ склонила въ землю остатки коровушки своей, яблоньку съ листьями серебряными и яблоками золотыми. — Онѣ явленію этому весьма удивились, пошли и сказали о томъ матери своей Строихѣ, которая, поглядѣвъ на яблоньку, не менѣе

чуду тому удивлялась и пошла разскaзать мужу своему Строву; и Стров, вышедши въ полисадникъ, яблонькъ золотой удивлялся; а какъ къ нему подошли и жена и падчерицы, то они начали дивиться чуду тому всѣ вмѣстѣ. Между тѣмъ, какъ они стояли въ полисадникѣ и Строиха—Горбылевна съ мужемъ своимъ уговаривалась, какъ защитить и сохранить отъ воровства такую драгоцѣнность и послать королю земли той въ подарокъ нѣсколько золотыхъ яблочекъ, а остальными надѣлить, вмѣсто приданаго, *Шалаву*, *Гуляву* и *Потачку*, вдругъ на улицѣ показалась толпа, шапки полетѣли подъ самыя кровли, и молодой король, отправлявшійся на какое-то потѣшное зрѣлище, явился среди народа. Онъ увидѣлъ очарованную яблоньку, остановился — вспыхнулъ лицемъ и грудью, и узналъ въ ней вѣщимъ сномъ ему обѣтованное знаменіе. «Здѣсь, подъ этою стрѣхою, обитаетъ другъ мой,» молвилъ онъ; «ему принадлежитъ серебряная яблонька съ золотыми плодами; если это

мужчина, то онъ наперсникъ мой, онъ товарищъ правленія и первый въ землѣ моей вельможа; если женщина — то это подруга моя и народу моему законная повелительница. Пусть же истинный хозяинъ или хозяйка сокровища сего поднесетъ мнѣ изъ рукъ своихъ золотыхъ плодовъ!»

Горбылевна торопилась нарядить и убрать старшую дочь свою, одноглазую *Шалаву*, дала ей блюдо и приказала нарвать и поднести королю яблоковъ. Но лишь только та подошла къ дереву, какъ оно начало хлестать ее прутьями по ушамъ, и она, зарыдавъ, отскочила и сбросила съ себя всѣ богатые наряды. *Гулява* двуглазая испытала ту же участъ; а *Потачка* лишилась даже третьяго глаза своего, который выстегнула ей яблонька, сказавъ: «худое дерево и съ корнемъ вонъ; онъ у тебя лишній, когда въ соглядатаи пошелъ; по русскому обычаю доносчику первый кнутъ». Тогда наконецъ уже отецъ Строй, видя нетерпѣніе короля, послалъ дочь свою Палашу, которая, въ худенькомъ

кумачномъ сарафанѣ, босикомъ, безъ сережекъ, безъ бисеру и безъ ленточекъ, но опрятно причесанная, съ косою по икра поклонилась королю, подошла къ яблонькѣ, сорвала три золотыхъ яблока, подошла къ королю, снова поклонилась и подала ихъ ему привѣтливо, прямо изъ рукъ своихъ, примолвивъ: «Жить и княжить тебѣ великому королю, королевѣ супругѣ твоей и наслѣднику твоему, трижды—тридевять—трехлѣтій; намъ тебя любить и слушать, какъ я отца своего люблю и слушаю; тебѣ нась миловать и жаловать, какъ меня бурёнушка моя миловала и жаловала!»

Король спросилъ Палашу, дочь отеческую, кто таковъ отецъ ея, и кто коровушка—бурёнушка? и выслушавъ благосклонно и внимательно все, что она ему рассказывала, надѣль ей на руку колечко драгоцѣнное, поцѣловаль въ чело высокое и назваль *Царскою невѣстою*. Отправясь немедленно во дворецъ, прислалъ онъ Строевой дочери богатый сарафанъ: взглянешь правымъ глазомъ —

яхонты по полю бирюзовому радугами переливчатыми, словно перья павлиныя, играют; — взглянешь лѣвымъ глазомъ — словно багряница утрення сквозь лазорь небесную сквозить, звѣздочки мерцающія проглядываютъ. Сарафанъ этотъ принялъ Строиха Горбылевна, надѣла на среднюю дочь свою *Гуляву* и послала за порогъ, встрѣтить короля, ъхавшаго съ придворнымъ причтомъ своимъ въ домъ старика Строя, на помолвку съ дочерью его. Король, коего зрѣніе было отуманено навожденіемъ, принялъ было *Гуляву* за Палашу, дочь отеческую; но вдругъ любимецъ Палашинъ, пѣтушокъ золотой гребешокъ маслена головка, разбѣжавшись закричалъ: *Куд—куд—куд—куда?* Взлетѣль на кровлю избы Строя, захлопаль крыльями и пропѣль: *Тута нѣту!* Король съ изумленіемъ остановился; пѣтушокъ золотой гребешокъ полетѣль на заклѣть, и закричалъ, какъ будто скликая курицъ: *Тутъ, тутъ, тутъ, тутъ.* — Король вошелъ въ заклѣть, велѣль поднять опрокинутый большой обрѣзъ, и нашель

подъ нимъ бѣдненькую Палашу, дочь отеческую. Онъ взяль ее за—руки, посадилъ на колесницу свою, сѣлъ самъ и поскакалъ — а когда, отъѣзжая, оглянулся, то увидѣлъ, что изъ цѣлаго семейства бобыля Строя вышли оборотни: самъ стариkъ оборотился въ смиреннаго вола, съ ярмомъ на шеѣ, который стояль и жеваль жвачку; Строиха Горбылевна прыснула сѣрой кошкой по кровлямъ и по заборамъ; три дочери ея, *Шалава, Гулява и Потачка*, стояли, три индѣйки, въ воротахъ дома своего, глядѣли вслѣдъ за колесницею, за Палашею, и протянувъ шеи, кричали безъ толку во все индюшечье горло.

Яблонька пошла слѣдомъ за Палашею, стояла во время вѣнчанія ея съ королемъ на паперти церковной; а когда ее окропили священною водою, то она пошла опять слѣдомъ за новою королевою и долго украшала сады королевскіе: водились на ней птицы райскія, пѣли пѣсни царскія, короля съ королевою утѣшали, нась съ тобою забавляли.

В. ДАЛЬ